

В этот момент стоявшая рядом Баоюэ наклонила голову набок и с недоумением спросила:

— Четвертый молодой господин, вы ведь не любите пользоваться туалетными палочками? Почему сегодня вдруг вспомнили о них?

— Пользоваться? — Е Мянэ оцепенел, но тут же до него дошло. С диким воплем он подскочил на кушетке на три чи вверх и изо всей силы отшвырнул бамбуковую щепку.

Служанки не на шутку испугались его вида. Е Мянэ в ту секунду готов был отрубить себе руку. Он схватил со стола чайник и принялся поливать пальцы правой руки — к счастью, чай уже остыл, иначе ожогов и волдырей было бы не избежать.

Позже Баоюэ, которую он изрядно напугал до слез, объяснила ему, что в их поместье туалетные палочки одноразовые, а не как у простых людей, которые их моют и используют снова и снова. Только тогда ему полегчало.

С тех пор у служанок в его покоях появилась еще одна обязанность — гладить для четвертого молодого господина бумагу. Сбрызнуть водой, помять, чтобы стала мягче, а затем отутюжить. Е Мянэ соглашался пользоваться ею только тогда, когда она становилась нежной и гладкой. Куда бы он ни шел, слуга обязательно должен был носить с собой его личную бумагу для туалета, и поездки на учебу не были исключением.

За подобные капризы Е Мянэ, разумеется, не раз доставалось от заместителя министра Е, который осыпал его отборной бранью. Его матушка, госпожа Цю, тоже недоумевала: сыновья в других семьях годам к двенадцати-тринадцати обычно уже обзаводились собственными дворами и больше не нежились под крылом родителей. Почему же их Мянэ-гэр, едва переехав в свой двор Баофэн, набрался столько изнеженных привычек? Даже у барышень в доме не было столько причуд...

Поместье Е находилось не так уж далеко от Императорской академии Гоцзысюэ — примерно столько, сколько горит палочка благовоний езды на повозке.

Когда Е Мянэ забрался в экипаж, небо едва начало брезжить.

Мальчик-слуга, сидевший внутри на коленях, помог ему устроиться поудобнее, сунул в руки позолоченную шарообразную грелку для рукавов, только что наполненную горячими углями, и поплотнее запахнул на нем меховой плащ.

Е Мянэ лениво прикрыл глаза и прислонился к стенке экипажа. Слуга Фэнцзинь поспешно открыл потайной ящичек сбоку и достал завернутые в промасленную бумагу мясные лепешки.

В тайнике стояла жаровня, поэтому от лепешек все еще шел пар.

Фэнцзинь приоткрыл бумагу и поднес лепешку к самым губам Е Мянэ:

— Четвертый молодой господин, сегодня лепешки пахнут просто восхитительно! Начинка из нежного фарша из голубиной грудки и печени. Попробуйте кусочек.

Е Мянэ приоткрыл один глаз и лениво спросил:

— А ты откуда знаешь? Стянул одну?

Фэнцзиню в этом году исполнилось всего одиннадцать, он был на два года младше Е Мянэ.

Понимая, что молодой господин просто подразнивает его, мальчик ничуть не испугался и с улыбкой ответил:

— Ну что вы, как можно! Управляющий Нью узнает — раздерет мне рот. Это тетушка Лю с кухни мне нашептала.

Е Мянэ слегка приоткрыл рот, зевнул, взял лепешку, откусил кусочек и кивнул слуге:

— Забирай остальные и ешь, только чтобы никто не видел.

— Премного благодарен за щедрость, четвертый молодой господин!

Фэнцзинь расплылся в широкой улыбке, схватил лепешку и, забившись в угол, принялся уплетать ее за обе щеки.

Е Мянэ усмехнулся. Этот мальчишка ему очень нравился: мало того что смазлив лицом, так еще и сообразителен, без лишней жеманности. А главное — когда Е Мянэ попадал в переплеты, Фэнцзинь не раз помогал ему сочинять небылицы, чтобы одурачить отца. Смелости ему было не занимать.

Стоило Е Мянэ умять две лепешки размером с ладонь и запить их глотком теплого чая, как экипаж прибыл к Императорской академии Гоцзысюэ.

Сегодня был первый учебный день после Нового года, и на площади перед воротами академии царил невероятное оживление. На мощенных синим камнем дорогах с обеих сторон выстроились длинные вереницы конных экипажей.

Экипаж из поместья Е застрял, так и не добравшись до главных ворот. Е Мянэ приподнял занавеску и выглянул наружу. Ого! Затоп впереди напоминал утренний час пик на Северной улице Сидань. Он поспешно велел кучеру припарковаться у обочины.

Кучер послушно натянул поводья и остановил лошадей. Е Мянэ, не дожидаясь, пока слуга спустится и подставит подножку, спрыгнул на землю.

Ученикам Императорской академии Гоцзысюэ запрещалось проводить с собой слуг. Спрыгнув с подножки, Е Мянэ подхватил сумку с книгами и зашагал вперед. Фэнцзинь побежал за ним следом, надеясь донести сумку хотя бы до ворот, но Е Мянэ нетерпеливо отмахнулся от него и прогнал обратно.

Фэнцзинь остался стоять на месте. Посмотрев вслед своему молодому господину, а затем на других благородных юношей, которые чинно спускались по приставным лесенкам под руки со своими слугами, он невольно вздохнул.

На душе у него сделалось пусто и тоскливо.

Императорская академия Гоцзысюэ была огромной и величественной. Снаружи возвышались массивные ворота, покрытые алым лаком, украшенные сорока девятью позолоченными шипами — по семь в ряд вдоль и поперек. Над ними красовалась покрытая черным лаком вывеска с золотыми иероглифами, начертанными собственноручно самим основателем династии Великая Вэнь.

Главные Ворота Цзисянь открывались лишь дважды в день: утром в час Чэнь и вечером в час Ю, чтобы впустить и выпустить проходящих учеников и учителей из столицы. В остальное

время они оставались наглухо заперты. Какую бы высокую должность ты ни занимал, перед Императорской академией Гоцзысюэ надлежало выйти из паланкина и войти через боковую калитку.

Е Мянью терпеть не мог здешний холодный ветер. В этих краях не было высоких зданий, и ледяные порывы пронизывали до самых костей, а лицо от них нещадно кололо, словно ножами.

Сжимая в руке сумку, он быстро миновал Ворота Цзисянь, прошел вдоль центральной оси через вторые ворота — Юнгуан, а затем, свернув направо под крытую галерею и миновав несколько поворотов, наконец добрался до двора, где обычно проходили занятия, — Двора Цижуй.

Обучение в Императорской академии Гоцзысюэ династии Великая Вэнь длилось четыре года. Первый год обучения назывался «Ци», второй — «Сю», третий — «Чжи», а четвертый — «Кунь». Дети могли поступить сюда осенью в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет.

Разумеется, далеко не каждый имел право здесь учиться.

Если отец занимал должность не ниже помощника чиновника шестого ранга, ребенка могли напрямую рекомендовать в ведомство отбора Императорской академии Гоцзысюэ. После проверки его зачисляли на учебу — это называлось «иньсюэ», обучение по праву наследования. Но и для остальных путь не был закрыт. Династия Великая Вэнь уже несколько десятилетий процветала в мире и покое, и император ценил таланты. Если одаренный ребенок из простой семьи оканчивал сельскую школу и отличался примерным поведением и выдающимися способностями, местная управа могла рекомендовать его в ведомство сые академии. Там проводились единые экзамены, по результатам которых ежегодно отбирали триста лучших учеников — это называлось «багун», отбор лучших.

Е Мянью всей душой ненавидел учебу. До того как переродиться здесь, он только-только пережил мучительный выпускной класс старшей школы. Ему не довелось насладиться ни единым днем той прекрасной, свободной и беззаботной студенческой жизни, о которой слагали легенды, как он очутился в этом мире, где приходилось вставать с первыми петухами. Чем раньше приходилось вставать, тем сильнее бурлила в его душе злость.

В его Дворе Цижуй училось всего двадцать человек. Все они, разумеется, были детьми чиновников, поступившими по праву наследования. В том году для учеников ступени Ци было открыто двадцать подобных классов, в то время как сыновей простых людей, прошедших отбор из разных провинций, распределяли по шестьдесят человек в классе, коих насчитывалось всего пять.

Стоило Е Мянью переступить порог классной комнаты, как кто-то завопил:

— Мянью-гэр пришел! Аньюань, скорее отдай ему ту штуку!

Стоило этим словам прозвучать, как все в комнате покатались со смеху. Е Мянью проигнорировал их. Он снял плащ из черного соболя, передал его прислужнику Двора Цижуй и направился напрямик к стоявшей в углу жаровне-окуривателю, чтобы согреть руки. Остальные юноши с шутками и смехом обступили его.

Е Мянью держал ладони над бамбуковой решеткой жаровни. Подняв голову, он произнес:

— Еще на галерее слышал ваш волчий вой. Не боитесь, что зайдет инспектор дисциплинарной палаты и всех вас приструнит?

Ли Чжао, законный второй сын генерала Гуйдэ, развалился на письменном столе. Беспечно хмыкнув, он пренебрежительно бросил:

— Если они вздумают искать неприятностей во Дворе Цижуй в первый же день после праздников, значит, им просто слишком спокойно живется.

Все рассмеялись. Е Мянъ тоже улыбнулся и спросил Вэй Анъюаня, который сидел поодаль с недовольным видом:

— И что же ты должен мне отдать, раз они так взбесились от радости?

Услышав его вопрос, юноши снова захихикали, предвкушая забавное зрелище. Вэй Анъюань сердито зыркнул на них, и те поспешно зажали рты.

Лишь после этого Вэй Анъюань с раздражением швырнул ему узкую плоскую шкатулку из резного палисандра. Прокатившись по полу, она остановилась у ног Е Мянъ. Сдерживая раздражение, Е Мянъ под общий гул нетерпения поднял шкатулку и открыл ее. В то же мгновение выражение его лица стало неописуемо странным.

Под взрыв издевательского хохота Е Мянъ вскочил, бросился на Вэй Анъюаня, повалил его на пол и принялся колотить кулаками.

— Вэй Анъюань! Даже ты надо мной потешаешься?! Похоже, это тебе жизнь слишком спокойной кажется!

Оседланный Вэй Анъюань отбивался и ругался на чем свет стоит, а наблюдавшие за потасовкой ребята покатывались со смеху и хлопали в ладоши. Несколько юношей в роскошных одеждах шумели и дурачились в классе Двора Цижуй до тех пор, пока не прозвучал первый удар колокола Императорской академии Гоцзысюэ, призывающий к началу занятий. Только тогда Вэй Анъюань и Е Мянъ вылезли из-под парт.

Больше шуметь никто не смел. Ребята поспешно позвали прислужников, чтобы те помогли обоим привести в порядок одежду и прически. Первый удар колокола в академии означал подготовку к уроку. Привыкшие к подобным сценам слуги ловко и быстро поправили платья и головные уборы молодых господ.

Вэй Анъюань сердито потянулся, чтобы поднять с пола шкатулку, но Е Мянъ оказался быстрее: он ловко перехватил ее и спрятал в свою сумку.

Вэй Анъюань ткнул в него пальцем и в ярости крикнул:

— Е Четвертый! А ну верни мою вещь!

<http://bllate.org/book/18289/1753806>